

19.09.03
(ср.)

Намдаков Даши

БРОНЗОВАЯ

— Миф. Мистификация. Тайна... Это так манит, так интригует, так интригует, как интригует к чуду. Даши, в СМИ много пишут о Вашей таинственной болезни, не менее таинственном исцелении с помощью шаманки и о предсказанной ей мировой славе. Скажите, что здесь правда, а что выдумка журналистов?

— Это все правда. Но я стараюсь об этом осторожно говорить, чтобы не пугать людей. Ведь все непонятное — оно ведь настораживает. В моем роду были и шаманы, и буддийские ламы. И все гены моих предков сконцентрировались именно во мне. Поэтому мне приходилось очень страдать и физически, и морально, что, безусловно, отразилось на моем мировоззрении. Благодаря этому я и стал художником. В детстве я больше любил общаться со стариками, с мудрыми людьми. В какой-то момент мне стало неинтересно учиться в школе. К тому же в 15 лет, в период созревания и становления личности, я заболел, и болезнь моя длилась 7 лет. Врачи удивлялись, ведь по всем показателям я должен был выздороветь — а болезнь прогрессировала. Исцелился я чудом, уже после 1 курса института. Мы обратились к шаманке, которая сделала над мной очень сложный обряд — и болезнь тут же отступила. Только тогда стало понятно, что это была проблема не физическая, а духовная, связанная с моей наследственностью.

— Вашим первым учителем был отец, Бальжан Намдаков, народный художник и мастер на все руки. Расскажите, пожалуйста,

Это целый театр — театр скульптуры Даши Намдакова. Кажется, его герои застыли всего лишь на миг, и вот-вот перед вами разыграют великолепную пьесу, где будут и принцессы, и воины, и звездочеты, и заколдованные звери, и шаманы... В мыслях проносятся рой традиционных сюжетов. Да и каждая работа подсказывает свой собственный. Вот «Ворон». Он так мудр и так стар. Он жил всегда. Он мог бы многое поведать — но он спит. Он спит так долго, что должен бы уже превратиться в камень — но удивительно! — его старые седые перья колыхаются от вибрации воздуха. Он все-все слышит и вот-вот проснется... А вот «Старый воин». Он уже давно обрюзг и обессилел. Всю жизнь он провел в походах, верхом. Он устал и у него болят суставы. Доспехи смотрятся на нем смешно и нелепо. Но умирать еще рано, ведь надо выдать замуж младшую дочь... А это — юная «Жемчужина». Кто сказал, что в море живут только русалки? Один раз в году, когда светит самая яркая луна, все жемчужины превращаются в прекрасных девушек. Они резвятся возле берега, купаются в лунной дорожке, и горе тому батыру, который влюбится в одну из них!

МИСТЕРИЯ

о той роли, которую сыграла семья в Вашей жизни и творчестве.

— Мы ведь жили в глухой деревне. Отец был не профессиональным художником. Он занимался графикой, живописью, буддийской пластикой, ковры ткал. Он был известной личностью. Нас, детей, у него было восемь человек — и все рисуют. Сейчас мои братья и сестры мне помогают, ведь бронза, серебро, золото, камни требуют коллективной работы. И хотя профессиональное образование получил я один, они многое мне подсказывают.

Мои родители буддисты, они и меня так воспитали. Несмотря на то, что это было советское время. Хотя буддизм тогда преследовался и были уничтожены тысячи лам, все равно существовали дацаны. Разве можно уничтожить такую древнюю религию?

— Расскажите о своей учебе в Красноярском институте искусств.

— Кстати, мы сейчас только прилетели из Красноярска, открыли там персональную выставку в рамках Красноярского музейного биеннале. Была масса народа, собрались все музейщики Сибири и Дальнего Востока. Я очень переживал, ведь после института я не приезжал в Красноярск. Но было очень приятно, когда приходили друзья, конкурники, и все так радовались, поздравляли. У нас была академическая программа: изучение человеческого тела, анатомия и т.д. Поначалу давалось все непросто, ведь в отличие от большинства студентов я не имел среднего художественного образования. С чем у меня не было проблем — так это с композицией. Информация об объеме и форме просто выливается на лист. Порой это смущает, как будто это и не я придумываю, а работает кто-то оттуда, а я — передаточное звено.

Я думаю, что академическая школа мне очень помогла. Часто говорят, что академизм не нужен, даже было время, когда я сам так думал. Сейчас же думаю, что надо получить серьезное образование — все навыки остаются. А потом можно творчески развиваться в любую сторону.

— Как случилось, что Вы учились четыре года вместо шести?

— У меня был замечательный руководитель, Головинский Лев Николаевич, которого, к сожалению, уже нет в живых. Когда я приехал на учебу в начале 4 курса он меня встретил и сказал: «Ну что, давай будем делать диплом. Дальше тебе в институте уже делать нечего». Я и сам к тому времени стал тяготиться учебой, хотелось творчески поработать. Головинский был секретарем правления Сибирского и Дальневосточного отделения Академии художеств, то есть вице-президентом Академии художеств, к нему прислушивались. Он мне выделил отдельную мастерскую, и я уже не ходил на занятия, а только весь год занимался дипломом и сдавал экзамены за 4, 5 и 6 курсы. Все сдал на отлично. Сбылась мечта — я ощутил себя профессиональным художником, появилась уверенность.

Сразу после моей защиты Лев Николаевич умер. Он был очень мудр и, видно, чувствовал, что ему долго оставалось жить. Мы с ним были очень близки, общались каждый день. И всю историю искусств я прошел с ним — как будто сам пережил: Ассирия, Вавилон, Финикия, Египет... Индия, Китай, Япония, Византия... Я ему очень благодарен. Надо сказать, что в моей жизни постоянно встречались такие люди — знаки судьбы, — которые вели меня. Например, еще в школе у меня был учитель литературы — благодаря ему я влюбился в литературу. Он был тоже очень большим человеком, возможно, поэтому он меня понимал.

Здесь все реально: слышится и протяжная песня кочевника, и свист пущенной стрелы, и неумолимое молчание Вселенной. Даже запахи! Эти скульптуры не из бронзы, не из металла, нет. В них душа: мягкая и податливая, исчезающая и появляющаяся вновь, принимающая какие угодно формы — и в тоже время невероятно стойкая, упрямая, горделивая. Живая! Душа эта — наследница мудрости бесчисленных поколений, впитавшая их слезы и гнев, любовь и жизнь, и еще смерть. И талант — безудержный, самобытный, снова и снова фениксом возрождающийся из пепла. Этот талант вскормлен и выращен бескрайними степями и лесами Бурятии, историей ее древнего народа.

От этих работ не отвести глаз. Хочется снова и снова ими любоваться, обходить вокруг, открывать все новые детали... Интересно, подозревает ли Даши Намдаков, что однажды его персонажи могут ожить и зажить своей собственной жизнью? Мне кажется, они на это способны.

Впервые я увидела работы Даши в Центральном доме художника, и меня потрясла их удивительная

— А Вы только в институте поняли, что Вам ближе скульптура, или еще раньше?

— У меня с детства было тяготение к пластике. И в период моей болезни я занимался только рисунком и только лепкой. И было ощущение, что это немаленько успокаивало физическую боль. Цвет почему-то меня привлекает меньше. Думаю, живописью я буду заниматься, когда в скульптуре сделаю все, что могу.

— Вы закончили учебу в 1992 году, а первая персональная выставка, которая принесла Вам известность, состоялась в Иркутске в 2000-м. Что же происходило в период между этими двумя датами?

— Когда я закончил учебу — это были времена страшного кризиса. Зарабатывать творчеством было практически невозможно. И я занимался чем угодно, чтобы семью прокормить, например освоил ювелирку. Я делал изделия скульптурного характера, под старое золото, которое в курганах находили, в зверином стиле. И это мне начало приносить какой-то доход, чтобы наладить свой быт и начать заниматься любимым делом. Я стал оплачивать за литье, за чеканку и организовывал свое время так, что неделю или две занимался зарабатыванием денег, а следующие две недели — скульптурой. Таким образом я собрал свою первую коллекцию.

— И Вам предложили сделать выставку в Иркутске?

— У меня был выбор, где выставляться: в Улан-Уде, в Иркутске или в Москве. Когда мне направили приглашение о персональной выставке, которая должна была открыться 16 февраля в художественном музее Иркутска, я не сразу понял, что это тоже знак. Ведь это был день моего рождения, когда мне должно было исполниться 33 года. Такое совпадение! И выставка прошла просто «на ура». И представляете — у меня купили всю коллекцию.

— Расскажите, как Вы познакомились с Константином Ханхалаевым?

— Я считаю, это было третье в моей жизни знакомство, которое можно назвать знаком судьбы. После первой выставки в Иркутске я сразу поехал в Москву, где была выставка в ЦДХ, а когда вернулся познакомился с Константином. С его появлением у меня жизнь опять начала меняться. Я ведь тогда уже понял, что работа предстоит огромная, и я сам не справлюсь.

Константин заботится обо всех выставках, решает вопросы галерейного характера. Он сам художник, поэтому многое мы обсуждаем вместе. Он по-настоящему творческий человек, очень грамотный, начитанный. Раньше он работал в шоу-бизнесе, у него были проекты с «Наутилусом», с «Чайфом», был проект «Рок чистой воды». Потом он некоторое время жил в Гонг-Конге.

У нас прошли выставки в Германии, в Цюрихе, в Монголии, в Америке. Была также выставка в Эрмитаже. Последняя, в Музее искусств народов Востока, имела рекорд по посетителям музея — за 15 лет.

— Когдаходишь в зал, где выставлены Ваши работы, на физическом уровне ощущаешь обволакивающий тебя со всех сторон дух Бурятии. И совершенно непроизвольно хочешь переизжить пушкинское «здесь русский дух, здесь Русью пахнет» — потому что Ваши

самобытность и стильность. Это было ни на что не похоже! Скульптуры были органично дополнены стихами известного бурятского поэта Намжила Нимбуева. У меня сразу возникло желание написать о Даши Намдакове, а еще лучше — взять у него интервью. Каков он — человек, извлекающий музыку из бронзы и металла? Как-то проходя июньским погожим вечером мимо Государственного музея искусств народов Востока я увидела афишу выставки Намдакова «Шаманы и воины» и поняла — это не случайно. И теперь я очень рада, что могу сказать читателям «МКР»: «Встречайте! Сегодня у нас в гостях настоящий Мастер, Художник Даши Намдаков!»

работы пахнут Буртией. И этот запах так очевиден, так узнаваем, даже для тех, кто в Бурятии никогда не был! А Ваши скульптуры подобны великолепным фиалам, в которых хранится это бесценное содержимое. Что для Вас значит Родина?

— На самом деле я не люблю высокопарных слов. Это ведь на уровне ощущений — а как передать ощущения? Родина есть родина. А то что мои работы пронизаны ее духом — так это логично. Я очень люблю бывать в том селе, где родился. Охотничать, рыбачить, скакать на лошади...

— У вас есть две работы, названия которых не совсем понятны: это «Сэтэр» и «Заан». Что обозначают эти слова?

— Сэтэр — так называлась лошадь, которая была посвящена тому или иному богу. Она не должна была знать всадника, а предназначалась для какого-то божества или духа. Поэтому и конь должен был быть необычным, самым лучшим. Чингисхан часто посвящал какого-то коня божеству, которое ему покровительствовало, и эта лошадь шла впереди, показывала дорогу.

А Заан — это по-бурятски слон. Слоны пришли в Бурятию через буддийское искусство из Индии через

Тибет и Монголию. Буддийская пластика небуквальна, и слона изображали весьма своеобразно. А поскольку я до определенного возраста не говорил по-русски, то я знал только бурятское слово заан. Эта работа — мое детское представление о слоне.

— Среди Ваших героев нет людей сильных, богатырей, эпических героев. Почему?

— Вы правы, это действительно так. Я сам человек очень мягкий и абсолютно неагрессивный. Поэтому нет агрессии и в моих работах, которые наполнены мощной положительной энергетикой. Мои скульптуры — философские, они заставляют задуматься... Но, кстати, я сейчас работаю над проектом памятника Гэсэру, который будет стоять в Улан-Уде — это будет как раз эпический богатырь, всадник на коне.

— Созданные Вами женские образы — просто чудо! Они невероятно соблазнительны и в то же время целомудренны, потрясающе грациозны и удивительно добры. И взгляд у них всегда кокетливо и стыдливо опущен. Не случилось ли Вам подобно Пигмалиону влюбиться в одну из Ваших скульптур?

— Нет, я однолюб, у меня есть жена. Это такое счастье! Многие, когда сначала видят мои работы, а потом встречаются с женой, говорят: «Так это же она!» Хотя вроде бы мои женские скульптуры все очень разные — но, наверное, действительно, я делаю каждую с мыслью о ней.

— Расскажите о своих планах.

— Планов очень много. Мы даже сами пугаемся: как все успеть, не наделать ошибок, выбрать самое важное... Время бежит очень быстро. Я бы с удовольствием занялся монументальной скульптурой, но, к сожалению, нет серьезных предложений.

— И последний вопрос. Вас называют «самым радикальным», «самым загадочным» художником. Кем и каким считает себя сам Намдаков?

— Правда? Не знаю. Наверное, потому что я некомпанийский, замкнутый человек. У меня есть свой мир, какая-то интимная оболочка, и я мало кого туда допускаю. Может, поэтому меня считают загадочным?